

Когда она потянула Е Шэня, его первой реакцией было неудовольствие. Его глубокие глаза смотрели на маленькую девочку, гнавшуюся за ним.

Ее тонкие белые пальцы крепко вцепились в его рукава. Из-за силы ее пять пальцев были напряжены, как натянутая тетива лука. Он хотел одним движением одернуть рукава.

Однако такие тонкие и костлявые пальцы, казалось, сломались бы, если приложить немного силы. Они были хрупкими, как заколка из белого нефрита, которую он однажды случайно сломал.

Неожиданно он не пошевелился, и его взгляд упал на ее лицо.

Все это время Сяо Юньнин не подозревала об этом. Она смогла только догнать его и изобразить счастливую улыбку. Она увидела, как он повернулся, поэтому воспользовалась возможностью повысить голос и сказать:

— Даосский священник Ву Е, спасибо вам!

Она посмотрела на него с улыбкой. Уголки ее глаз и брови были окрашены летним солнцем.

Дул летний ветер, ветви и листья больших деревьев шелестели сбоку. Они также пронеслись мимо одежды девушки и мягко ударились о его мантию.

Е Шэнь прислушался к этим мягким звукам и на мгновение впал в транс.

Сяо Юньнин снова закашлялась и опустила голову. Один кашель следовал за другим, но рука, тянущая его за рукав, ослабла.

Эта рука, которую он держал раньше, также дала ему неловкую пощечину. Теперь она снова тянула его.

Е Шэнь пришел в себя, и его настроение было немного сложным.

Он признался, что избегал ее последние несколько дней. Это было из-за того удара. Его доброта в то время была высмеяна и оказалась ненужной. Но в результате она сейчас нетерпеливо подбежала к нему и была счастлива сказать спасибо. Ее глаза были полны искренности... Е Шэнь обнаружил, что небольшой дискомфорт в его сердце исчез.

— Ты можешь отпустить, — сказал он маленькой девочке, которая кашляла и дрожала, дергая его за рукава.

Сяо Юньнин все еще периодически кашляла. Она услышала его слова и сделала глубокий вдох. Потребовалось мгновение, чтобы ее кашель прекратился, но ее рука все еще не отпускала.

— Даосский священник, я не закончила говорить. За спасительную милость даосского священника Юньнин непременно оплатит вам.

Она снова подняла голову. Ее лицо покраснело от кашля, но она все еще улыбалась.

Е Шэнь думал, что она действительно интересна. Она уже выразила свою благодарность, но все еще тянет его за рукав, потому что не закончила говорить?

Разве он уже не остановился, чтобы выслушать ее? Не растворится ли она просто в воздухе, если отпустит свою руку?

Она все еще должна тянуть его за рукав, чтобы заговорить, а также говорить о том, чтобы оплатить ему.

— Ты закончила пересекать реку грязевого бодхисаттвы? — его взгляд скользнул к уголкам ее глаз.

Ее щеки были ярко-красными, а уголки глаз слегка подкрашены розовым. Это обнажало красивые черты молодой девушки без всякой причины и мешало не обращать на них внимания.

Сяо Юньнин не ожидала, что он ответит такими словами, поэтому на мгновение застыла.

Когда обычные люди слышат о получении вознаграждения за что-то, они не всегда без усилий говорят что-то скромное, но они, по крайней мере, вежливы. Но, в конце концов, он сказал, что она была грязевой бодхисаттвой.

Это казалось саркастическим замечанием о том, как она попала в такие жалкие условия, и то, что она сказала о выплате долга, было пустой болтовней и ложью.

Она уставилась на него и заморгала. Его холодный вид был очень отчетлив перед ее глазами. Это напомнило ей о его личности, о том, как он был безразличен с тех пор, как они встретились.

Но под его холодным лицом скрывалось доброе сердце!

— Тощий верблюд больше лошади*! Грязевая бодхисаттва не имеет смертного тела. Когда я переправлюсь через реку, я обязательно выполню свое обещание!

(*后死落魄必没) – это выражение означает, что для людей, обладающих особым опытом в одном аспекте, если однажды они станут бедными в этом аспекте, они все равно лучше, чем кто-то, только что вышедший из этого аспекта. Другая аналогия заключалась бы в том, что обанкротившийся купец лучше нищего, потому что у купца все еще есть его социальные связи или семейное происхождение).

Сяо Юньнин подняла брови, и ее глаза изогнулись, когда она улыбнулась. Наконец она убрала руку, которая тянула его за рукав, и ее маленькое тело выпрямилось. Каждое произнесенное ею слово было серьезным.

Даосский священник был человеком с острым языком, но мягким сердцем. Он не позволил бы ей себя одурачить, поскольку он, должно быть, боялся ее бремени. В конце концов, она действительно оказалась в трудной ситуации.

Рука Е Шэня почувствовала себя легче. Он увидел, как ее рука убралась у него на глазах. Он поднял рукава, и они упали естественным образом. Необъяснимо, но его брови слегка нахмурились.

Более того, он не нуждался в том, чтобы она оплачивала ему за эти метафоры. Однажды, когда она узнает, кто он такой, он посчитал, что ее первой реакцией будет укусить его, чтобы выплеснуть свой гнев.

Его редкая доброта, скорее всего, превратится в ее глазах в жалость и милосердие.

— Нет необходимости, — Е Шэнь повернулся, оставив после себя два апатичных слова.

Больше не было необходимости в каком-либо участии. Это всегда будет доставлять неудобства в будущем.

Когда Сяо Юньнин видела его таким, тем больше она чувствовала, что ее предположения были правильными. Она больше не останавливала его, но в глубине души помнила о своем обещании.

Когда Е Шэнь повернулся, чтобы уйти, даосская монахиня из прошлого пришла снова. Сяо Юньнин услышала, как она прошептала Е Шэню:

— Пожалуйста, подойдите.

Сяо Юньнин наблюдала, как он поднял халат и поднялся по ступенькам. Он фамильярно прошелся по коридору и направился к углу. Затем фигура исчезла.

Та даосская монахиня не ушла с ним. Вместо этого она подошла к ней.

— Хороший человек, пожалуйста, следуйте за этой бедной даосской монахиней, чтобы пройти этим путем.

— Хм? — Сяо Юньнин была озадачена: — Куда идти?

Даосская монахиня увидела, что она смущена. Она мягко улыбнулась и разрешила возникшее замешательство.

— Разве тебе пока некуда пойти? Ты можешь сначала остаться здесь и подождать, пока он не найдет тебе место, куда пойти.

Сяо Юньнин внезапно поняла.

Говорил ли даосский священник Ву Е только что с даосской монахиней по этому поводу?

На самом деле это было не то место, где он жил. Поскольку она была девушкой, он нашел для нее такое место, где она могла остановиться. Даже если даосский священник внезапно выскочил из этого обыденного мира*, в конце концов, он все еще был человеком.

(*□□□□ (tiàochū chénsú) — отказаться от мирских дел.)

Как и ожидалось, даосский священник был человеком холодным внешне, но с добрым сердцем. Он все устроил для нее.

Она поблагодарила его благословением, и рядом с ней Юань Го тоже выглядел счастливым.

Их телам еще предстояло восстановиться, поэтому для возвращения в столицу потребовалось бы остановиться в гостиницах. Лучше было остаться в мирном даосском храме.

Пара хозяина и слуги последовала за даосской монахиней в другом направлении. На этой стороне было несколько невысоких зданий, которые, должно быть, служили крылом для гостей, пришедших воскурить благовония, чтобы остаться на ночь.

По дороге Сяо Юньнин спросила:

— В каком даосском храме находится даосский священник Ву Е? Он даровал мне спасительную благодать. В будущем, когда я отплачу ему тем же, я хочу иметь возможность найти его.

Даосская монахиня, шедшая впереди, обернулась и посмотрела на нее со странным выражением.

Даосская монахиня не была разговорчивым человеком. Поскольку эта девушка не знала, что за место находится в даосском храме Цинфэн, она ничего не сказала. Она неопределенно сказала:

— Он приходит и уходит, но он всегда приходит сюда раз или два в месяц.

Хах? Что это значит?

Является ли Ву Е даосским священником, который бродит повсюду?

— Вы уверены, что он приходит сюда каждый месяц? — она попыталась прощупать.

Если бы он не пришел, то найти его было бы невозможно.

Даосская монахиня милостиво улыбнулась и сказала:

— Да, он приходит каждый месяц. Каждый месяц так происходит.

Сяо Юньнин вздохнула с облегчением, тогда проблем не будет.

—————

— Но это действительно странно. Ты зашел так далеко, что привел молодую девушку, чтобы она приехала и осталась здесь?

В этот момент перед Е Шэнем сидела женщина. На ней было простое даосское одеяние, но волосы она не собирала в пучок, обычный для даосских монахинь.

Она все еще была причесана на манер замужней женщины. Гибкие брови говорившего слегка приподнялись. В ее удивленном тоне был какой-то неясный смысл.

Маленькая печь из красной глины сбоку от низкого столика энергично горела. Медный чайник, в котором кипела вода, издал какой-то звук.

Рука Е Шэня протянулась, чтобы поднять медный чайник. Он неторопливо заварил чай и ответил теплым голосом:

— Это не то, что ты думаешь. Это дочь семьи Сяо. Что-то случилось с ее отцом и братом. Она столкнулась с неприятностями по дороге в Датун, поэтому я помог ей.

— Дочь семьи Сяо? Какая семья Сяо? — женщина села прямо.

— Маркиз Нинъюань из семьи Сяо.

— Это она, ах. Этот инцидент...Она тебя не узнает? — женщина выглядела еще более удивленной.

Когда Е Шэнь увидел ее такой, он понял, что она слышала о тех грязных делах в столице. С ничего не выражающим лицом он кивнул.

— Ммм, она меня не узнает.

— Что это за судьба такая? На этот раз твоя старшая сестра перестаралась. Мне действительно нравится эта маленькая девочка, — женщина жалостливо вздохнула. Половина ее тела откинулась на мягкую подушку. — Я не смогла хорошо ее обучить, и это сделало ее эгоистичной и высокомерной с самого детства.

— Это не имеет к тебе никакого отношения, мама, — Е Шэнь обеими руками поднес ей заваренный чай. — Что она сказала, когда подошла? В следующий раз я попрошу кого-нибудь понаблюдать, чтобы они не всегда расстраивали тебя по пустякам.

— Это просто для того, чтобы поговорить о семейных делах и посоветовать моей семье поехать туда. Расстраиваться было не из-за чего. Все вот так. Есть ли что-нибудь еще, что меня расстраивает? У меня не тот характер, который бывает грустным весной и обиженным осенью*. Мне следовало уйти раньше.

(*悲春伤秋 (bēichūnqīushāng) – Сентиментальный человек, который испытывает грусть и уныние, вызванные сменой времен года или пейзажа.)

Эта женщина была матерью Е Шэня, госпожой семьи Е, которую никто не осмеливался провоцировать в столице. Но она отличалась от других любовниц. Ее не было дома круглый год. Она жила всего лишь на отдаленной северной окраине города, в этом маленьком даосском храме.

Все в столице знали, что, когда Е Шэнь чуть не умер после его рождения, госпожа Е дала обет — на самом деле она переехала жить в Даосский храм ради своего маленького сына.

Е Шэнь молчал.

Госпожа Е поджала губы и отхлебнула чай. И затем она сказала ему еще кое-что:

— Она также упомянула принцессу Хуэйцзин.

— Хочет ли Ли Цинчжи подняться через принцессу?

Ее сын был дотошным человеком. Госпожа Е держала чашку обеими руками и медленно отпивала. Она редко бывает дома даже во время новогоднего праздника.

Она замолчала.

Сяо Юньнин спокойно вернулась в столицу, но Вторая Ветвь семьи Сяо все еще искала ее повсюду. И Второй Мастер Сяо в очередной раз получил новость, от которой чуть не упал в обморок.

— Что ты имеешь в виду, все горные бандиты в той деревне погибли в результате катастрофы?! Тогда где же она?!

Если бы он не смог найти ее, то ему было бы слишком стыдно сделать шаг из резиденции. Его позвоночник был готов сломаться!

<http://tl.rulate.ru/book/76023/3891346>